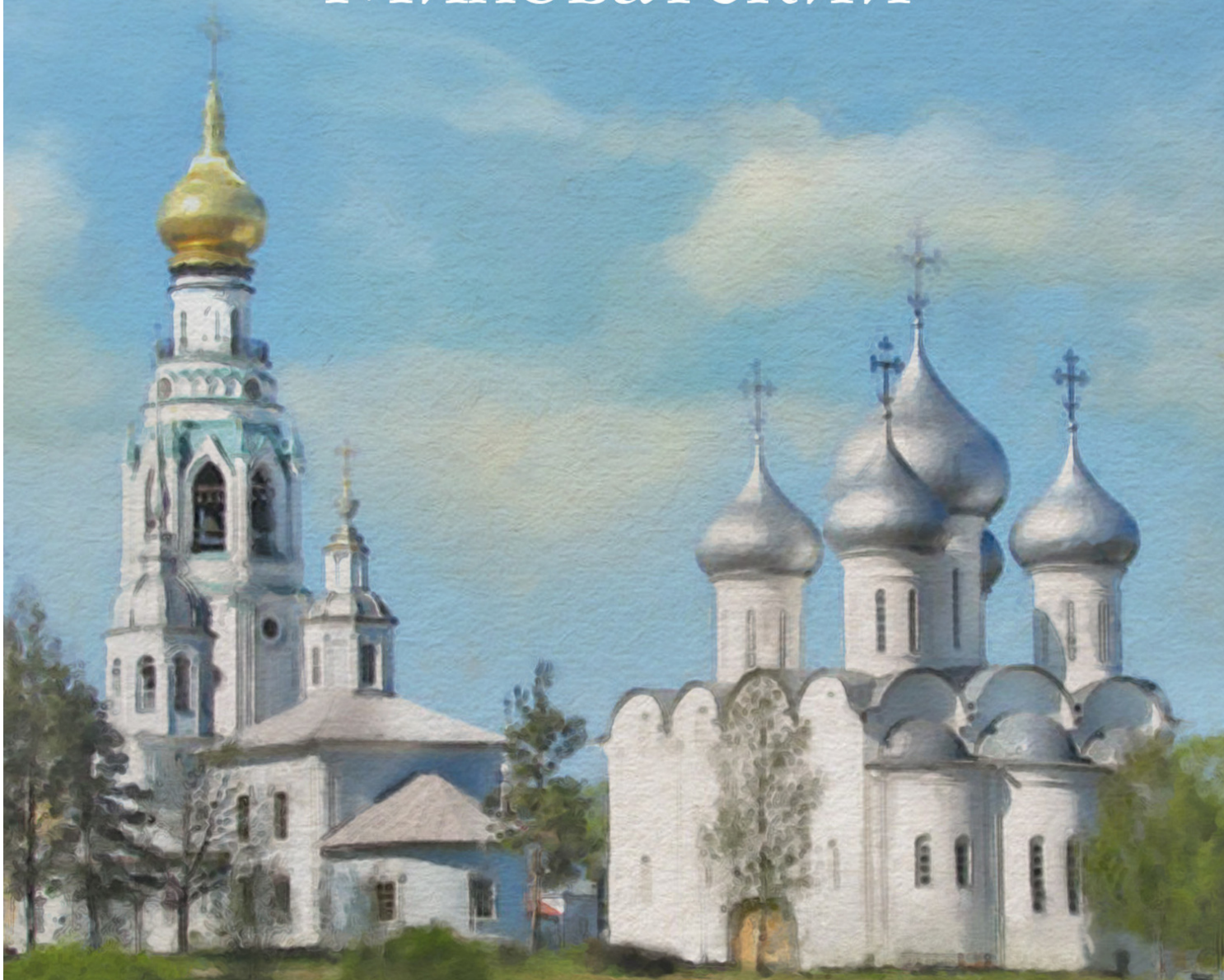

Валерий
Миловатский

С думой
о РОССИИ

Валерий Миловатский

С думой о России

«Алисторус»

2020

УДК 82-84
ББК 84.3

Миловатский В. С.

С думой о России / В. С. Миловатский — «Алисторус», 2020

ISBN 978-5-907332-53-9

Автор книги – учёный, педагог, писатель, человек, у которого душа болит о России, о её духовном состоянии. Новая книга В. Миловатского отражает некоторые стороны этой духовной реальности. «Экология слова» звучит набатом в защиту Русского слова, ведь язык – это стержень самостояния нации. В части «Третья столица» отображена метафизическая природа наших двух столиц, показано их нерасторжимое родство. Авторские сказки привлекательны загадочностью и философичностью. Они не оставят равнодушными ни детей, ни взрослых. Всё, представленное здесь автором, объединяет одно – дума о России. Книга отличается поэтичностью слога и представляет интерес для всех неравнодушных читателей.

УДК 82-84

ББК 84.3

ISBN 978-5-907332-53-9

© Миловатский В. С., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Экология слова	6
В чем каяться?	6
Отступление о смысле покаяния	7
О взаимодействии слова и природы	10
О словесном пространстве, или О семиосфере Лотмана	11
О связи слова с характером народа	12
Слово и личность	13
Безымянность, безъязыкость	14
О биосфере и о словесном пространстве	18
Взгляд из России	19
О принципе целостности	20
О целостности человека	21
Слово и природа	23
Гений и смоковница	24
О слове поэта	25
Жизнь слова	27
Из пламя и света рождённое слово»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Миловатский

С думой о России

© Миловатский В.С., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Экология слова

В чем каяться?

Некоторое время назад видный русский эколог Ф. Я. Шипунов на основании фактов и теоретических расчётов прогнозировал экологический коллапс земной биосферы, который может наступить уже в ближайшие годы. Биосфера больна, потому что болен человек и в беззаботной своей гордыне думает, что и завтра, и послезавтра всё так же будет тешить свою никчемность, и так же послушно будут крутиться колёса его фортуны. Изобретено множество проектов по спасению биосферы. Но проекты проектами, а жизнь идёт всё туда же... Кто ждёт готовых рецептов спасения – пусть не ждёт. Их нет! О чём же тогда толковать? Да вот о том, что нам самое время каяться и замаливать свои грехи. Искренне, серьёзно, истово! Да, да, все повинны в тяжком экологическом грехе, и придётся его искупать – всем поголовно. Сейчас, когда экологическое неблагополучие, будь то в виде волн сотовых радиотелефонов, химизации или смрада от машин, пронизывает каждую клеточку нашего тела, для каждого пришло время покаяния. Покаяния – перед живыми существами, что вокруг нас, перед братьями-людьми, перед Творцом.

Отступление о смысле покаяния

Некто, когда был ребёнком, совершил убийство: подгоняя отставшего утёнка, он резким ударом прутика в недетском гневе, неожиданно для себя убил его. Много ли надо крошечному, плающему существу? Ребёнок не рефлексировал, какова доля его вины – в этом ли дело, когда беду не поправишь и жизнь не вернёшь. Но раскаяние, и жалость, и отчаяние от непоправимости совершённого подступают неотвратимо: если б можно было вернуть, оживить!.. Сокрушение в душе его и поднесь вопиет – и требует покаяния.

Что есть покаяние? Страх перед наказанием? Формальный ритуал в храме? Принудительное самоосуждение? Боже мой! Да разве такими крохами откупиться от истинной боли пронзившей сердце?! Боль исчезает от ещё большей боли, от всеохватной боли за всё живое, от любви к нему. Любовь и боль всегда рядом. Может быть оттого, что тайна любви – в бесконечной боли-сострадании за всё существующее, в бесконечном сострадании тому единственному, что полюбил. Значит, истинное покаяние идёт от милосердия, от сострадания, от любви. Оттого, что душу живу имеешь и всему живому сочувствуешь, ощущая своё родство с ним. Покаяние – это пульс жизни, это свидетельство того, что ты жив и, значит, способен стряхнуть смертное с себя, исправиться и возродиться для новой, чистой и цельной жизни, более совместимой с её Началом. И русские святые понимали покаяние как живительный поток, струящийся через душу всю жизнь и смывающий мертвенное с неё. Так, например, святитель Тихон Задонский учил, что надо «...создать в душе христианина постоянное покаянное настроение, ибо истинное покаяние есть... целожизненный подвиг, постоянная душевная настроенность...»

Осознание экологической беды просто так не приходит, для этого недостаточно ни опыта, ни разъяснений, ни увещаний. Необходимо чувство вины (а не только беды) и ответственности, которое ведёт к подвижничеству, к жертвенному самоотречению от моды, комфорта, и к признанию права на жизнь других существ: от бабочки до купальницы. Невиновных людей нет, но как много людей с гордыней (что де все виноваты, кроме меня) и людей с мёртвой душой. Каяться способна только живая душа. Каяться – это осознавать свою личную сопричастность к совершаемому в мире бедствию. Всем необходимо прийти к осознанию того, что природа – не вещь, не материал, а нечто живое, чувствующее, субъектно-значащее.

* * *

Однако важно знать, в чём каяться. Нет смысла каяться вообще – покаяние конкретно. И в случае экологического покаяния следует уразуметь круг своих прегрешений. О, это не так просто, как кажется: часто проступки бывают не в том, в чём мы их видим! Где же, в чём они? Необозримо море экологических проблем, лавинообразно нарастающих: мы виноваты перед лесами и реками, перед морями и землёй, перед небом и околоземным космосом. Не объять всего! Но в чём же наш главный экологический грех?

Когда-то Христос сказал, что в человека входит всё чистое и лишь выходит из него нечистое, и, прежде всего, скверные слова – от плохого сердца. И действительно, биосфера загрязнена человеческим эгоизмом, его тлетворным и разрушительным духом. И уже нечистое и входит в человека, и выходит из него, отравляя его и плоть, и душу – потоки нечистот встретились, сомкнулись (выйдя из человека, и осквернив природу, они к человеку же и вернулись). Именно так: корень необозримых человеческих бесчинств в его бездуховности, ведущей к самоистреблению, в невежественной гордыне, попирающей и природу, и людей, и самого Творца.

Но вот в чём соль: дух человеческий действует через слово, облекается словом и живёт в нём – дух и слово тесно связаны. Духовное выправление невозможно в искаленном, обез-

ображенном языковом теле. Поэтому прежде всего человек должен покаяться в искажении, разрушении слова, данного ему Творцом.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Это величайшая тайна. И вместе с тем указание на то, что всякое слово исходит от этого Слова, и по мере удаления от Него всё более умалется, разбавляется и искажается, даже до противоположности, до неузнаваемости. Слово вездесуще. Оно входит в человека, в живые существа, в природу. Становясь плотью, слово живёт полной жизнью вкупе с материей, всё более и более овладевая ею.

* * *

Мы живём в удивительном мире, мире слов. Нам дана языковая среда, которая для нас не менее важна, чем воздух для всего живого. Но что есть слово? Что-то невидимое, неуловимое, эфемерное, почти нереальное, как призрак, как сон? И да, и нет: слово – реальность нашего земного мира и мира иного. Оно – «предмет» смыслового, духовного мира. Слово – не просто некая единица информации, оно числом неисчислимо. Слова – это единицы смысла, кванты разума, духовные средоточия, многослойный смысл которых способен уразумевать, прочитывать, декодировать и претворять только человек, ибо слова неотъемлемы от человека, продолжение сути его, плоть от духа его.

Дух проникает всюду. Слово – тоже. Оно словно слепок духа, словно ипостась его: оно более, чем другие виды человеческой информации, господствует над материалом, над веществом. Чтобы удержать его, не нужен громоздкий материал, оно слетает с кончика языка и «укладывается» в любой записи: иероглифами, буквами, магнитными лентами, плёнками и т. д. Иные виды творческой деятельности, такие, например, как живопись, ваяние, зодчество требуют много материала, труднее поддаются записи. Но самое главное – они не могут заменить слово, ибо слово первично: соборы и симфонии суть продолжения сказаний и поэм. Недаром у древних греков главной музой считалась Каллиопа – муза эпического слова.

Господь Иисус Христос имел небывалую силу слова. Он творил множество самых поразительных чудес: ходил по морю, исцелял, воскрешал – и всё это словом. Словом и учил. Каждое слово Его, как полноценное зерно, ложится в душу, словно в приготовленную почву.

Слово обладает творческой энергией. Человек произносит слово, – и идут в смертный бой войска; говорит другое – и друг протягивает тебе руку; волнуясь, выговаривает третье – и расцветает любовь; ребёнок впервые лепечет его – и мать наполняется счастьем! И всё это творит сила, красота, правда Слова! Удивителен его мир, непроста его «материя».

Благодаря гениальным, божественным словам обрели бессмертие сказки и песни, поэмы Гомера, Веды, пережившие тысячелетия. Где Вавилон, где Мемфис? Где созданные тысячелетия назад шедевры зодчества, ваяния, живописи? Их стёрло время. Слово остаётся! И прав Шекспир:

«Разлукой смерть не угрожает нам.
Пусть я умру, но я в стихах воскресну.
Слепая смерть грозит лишь племенам
Ещё не просветленным, безсловесным».

Слово, благодаря поэтам, становится главным героем. Но что есть слово в метафизическом, духовном отношении? Слово – не самая очевидная вещь, хотя и на виду. Оно – тайна. Как писал наш современник, священник Роберт Слесинский: «Слово в себе и от себя... Оно является «несводимым данным», попытки свести его или к чистой деятельности, или к вещи не могут не потерпеть поражения». А Павел Флоренский уточняет: «Слово есть синер-

гия познающего и вещи, особенно при познании Бога». Но ещё удивительнее то, что слово, видимо, единственное, что может быть и в сознании и вне его, входит и выходит из него, и вновь входит в другие сознания: быть снаружи и внутри: быть в человеке, воздействуя на него, – и покоиться отчужденно и мертвенно в книгах, дискетах, и других кристаллизаторах слова. Слово через человеческое сознание непрерывно воплощается, пронизывая всё большие и большие слои материи, всё более окультуривая и одухотворяя её.

Слово существует от века. Рассеянное в мире, оно дано человеку, чтобы через слово человек узнал Бога. Русский философ А.Ф. Лосев утверждал, что «язык – это онтологически-коммуникационное отражение личностного стержня бытия, связующего Абсолютную Личность Творца с тварной личностью человека» (цит. по Гоготишвили). Далее речь пойдёт о взаимодействии слова и природы, слова и народа, слова и личности.

О взаимодействии слова и природы

Эта двойственная природа слова, позволяющая слову быть плотью и вместе с тем бесплотной духовной сущностью, даёт основание предполагать словесную предназначенность природы. Живая природа безсловесна, но она пронизана системой биологических языков (начиная от генов и кончая иммунной и нейронной памятью) и благодаря этому потенциально готова к восприятию слова. Природа жаждет свободного Божьего слова, ибо ей необходимо завершение и полнота в слове. Биосфера научается слову. По мере вкоренения слова в твари, Бог взывает к ней. Как невозможна тварь без Слова (Логоса), так, видимо, и слово невозможно без её потенциальной готовности к нему. Становясь плотью, слово живёт полной жизнью вкупе с материей, всё более овладевая ею.

Что может значить слово для природы? И тут же контрвопрос: а в чём суть всякой экологической проблематики? А суть эта в формировании субъектного отношения к природе, признания в ней младшего собрата, имеющего своё «я» и выступающего как субъект. Можно ли этого добиться без словесного обращения к ней? Нет! Там, где природа и человек стоят друг перед другом, как два субъекта, где возникают субъект-субъектные отношения, там без слова, без диалога не обойтись.

Языковое отношение к природе состоит в том, чтобы научиться прислушиваться к голосам природы, находить с ней общий язык взаимопонимания и, наконец, – иметь слова, которые бы действовали на природу, как действовал на неё Христос. Экологию слова интересует взаимодействие слова с природой. Аналогично, в центре внимания традиционной экологии – взаимодействие живого организма с окружающей средой. Колоссально действие энергии жизни на неживую материю: эта энергия способна приводить в движение материи. Энергия слова ещё более могуча: она способна действовать уже и на сверхвещество, находящееся в недрах атомов, в глубинах звёзд.

О словесном пространстве, или О семиосфере Лотмана

Не менее глубокая проблема для традиционной и нетрадиционной экологии – проблема созидания пространства, точнее новых пространств. Эту фундаментальнейшую проблему поставил и успешно решал основатель биосфероведения В.И. Вернадский: он постулировал созидание «живым веществом» особого биологического пространства, которое отличается от евклидова и имеет ряд уникальных особенностей. Оно, например, допускает и обуславливает существование пятерной симметрии, которая разнообразно представлена исключительно в живой природе. То, что живая материя действительно образует своё особое пространство, показали недавние эксперименты, проведённые в Петербургском университете.

А при чём здесь экология слова? Дело в том, что слово – это, так сказать, особая форма жизни, жизни более концентрированной. Слово заряжается от человека (человек же от Бога) особой силой, благодаря которой, как и биологическое существо, оно способно создавать своё словесное пространство. Подобно тому, как живая природа образует биологическое пространство биосферы, слово формирует своё планетарное пространство. Таким образом, появилось представление о планетарной семиосфере, сфере знаков и слов.

Концепцию о семиосфере, опираясь на двадцатилетний опыт исследований, в 80-х годах ввёл знаменитый филолог Ю.М. Лотман. Знаменательно, что основные понятия этой концепции совпадают с главными понятиями учения о биосфере Вернадского. Лотман так характеризовал реальное пространство слов и других смысловых знаков: «в этом смысле семиосфера современного мира, которая неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность». Семиосфера определяет языки народов, без неё не может существовать никакая культура, никакая человеческая информация. Она, как и биосфера, целостна, глобальна, имеет память и род «самосознания». Экология слова призвана заниматься этим словесным пространством.

О связи слова с характером народа

Важнейший принцип существования семиосферы – неперенное разнообразие элементов (языков, культур, цивилизаций), составляющих её. Унифицирование культур – её гибель. Этот же принцип действует и в биосфере! Его ещё в прошлом веке открыл выдающийся православный мыслитель Константин Леонтьев. Затем его открыли и экологи. Из этого принципа между прочим следует, что Китаю подобает быть Китаем, а Германии Германией. Но как обеспечивается это воспроизводство национально-культурной индивидуальности? Неужели от слов, символов и мифов зависит судьба народа? Неужели так важно, называемся ли мы Россией, или Советским Союзом, или «этой страной»? Оказывается, «мифические» вещи могут быть серьёзнее серьёзного. Символ по Флоренскому – «реальность, которая больше самой себя». Ему вторит Лотман: «именно «простые» символы (крест, круг, пентаграмма) образуют символическое ядро культуры...» И далее: «Обобщая можно сказать, что структура символов той или иной культуры образует систему изоморфную и изофункциональную генетической памяти индивида». И это не случайно, ибо именно родной язык, вероисповедание и символика составляют особый культурно-духовный геном того или иного народа, благодаря которому и воспроизводится из века в век индивидуальность этого народа.

К слову сказать, разрушение генома народа в экологическом отношении гораздо более тяжкое бедствие, нежели уничтожение биологических видов, ибо народ и его культура составляют единое целое со своей природой. И уничтожение природы начинается с разрушения и гибели родного языка.

Несколько слов о геноме русского народа. Не секрет, что русский геном связан с православием и особым типом славянской культуры. Уже близость русского языка с древнегреческим, флексивный тип этих языков с вытекающим отсюда свободным построением фраз (в отличие от английского, французского и других языков), как показал К.М. Петров, неизбежно отразилось на чертах национально-культурного характера русского народа.

Важную роль сыграла Кирилловская азбука, которая по провидению была дарована русскому народу вместе с православием и книжностью. То, что это особенная азбука, сейчас начинают признавать даже западные исследователи. Так Ф. Винке (Бельгия) исследуя азбуку церковно-славянского языка, сделал вывод, что «каждая новая буква хранит первичный замысел своего создателя, содержит глубокий священный смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа». Это перекликается с учением сербского богослова и лингвиста Костенечского (XV век) констатировавшего, что «все явленные в Откровении знаки, включая графические знаки Писания, становились не только символами истины, но и её составными частями».

Ядро русского православного генома включает церковно-славянский язык, в отношении которого отечественные филологи, и прежде всего Н.И. Толстой показали, что без него у нас не было бы той великой художественной литературы, которой восхищается мир, не было бы в целом удивительной русской культуры. Церковно-славянский язык – не просто богослужебный предмет в наших православных храмах, а фундамент всей русской культуры, важнейший пласт русского языка, потому что в нём сосредоточена духовность, строгость и чистота нашего языка. Отказаться от церковно-славянского языка также невозможно, как, скажем, вынуть из толщи земной коры кембрийский пласт. Именно в теперешней нашей жизни мы пожинаем плоды попыток изъятия из монолита русской культуры – православия, исконного языка нашей словесности. Потому и буйствует на запущенном поле чертополох жаргонов, сквернословия, чужеземных сорняков.

Слово и личность

Может ли слово быть личностью, а личность словом? Здесь переплетаются представления о глубокой тайне личности и о не менее глубокой тайне слова. Преподобный Серафим Саровский видел великую мудрость праотца Адама в том, что ему был дан дар давать имена всякой твари. Получить имя – быть приобщённым к высшему бытию. Из всего живущего на земле только люди имеют настоящие имена, ибо именно люди приобщены к высшему существованию. «Некрещённый ребёнок подвергался большой опасности: у него не было имени, определяющего и связывавшего его с миром», – говорит народное поверие. Имена людей имеют большую силу воздействия на человека и его судьбу. Имя – как бы дополнительная личность, приставленная человеку либо в помощь ему, либо – при неудачном выборе имени – в помеху и даже в погибель. Не случайно высокородные фамилии в Европе имели гирлянды имён. Имя – это ведь защита, возвышение, тайна и великая наука. Как осторожны, как проницательны и мудры должны быть люди при выборе имени. Приходить к нему надо по молитвам, прислушиваясь к внутреннему голосу, либо по совету мудрого наставника-духовника.

О силе имени знали гениальные писатели, знали и угодники Божии. Об этом писали отец Павел Флоренский, А.Ф. Лосев, преподобный Амвросий Оптинский. А священник Феодосий Иерусалимский часто пользовался силой имени для того, чтобы поправить судьбу человека. Священник Павел Флоренский указал источник силы имени: это «заблуждение, – писал он в письме к архимандриту Давиду – что можно волховать именем Господним и именем Господа действовать против самого Господа. Но всё дело в том, что Имя неотделимо от Господа и (оно) сила не иная какая, как самого же Господа».

Таким образом, в этом взаимодействии человека с его именем, встречаются и как бы взаимодействуют две личности: словесно-духовной личности имени и природной, земной личности самого человека – происходит встреча языка природного с надприродным. Бог словом просвещает человека и через слово приводит его к Себе. Человек Словом то и создан!

Безымянность, безъязыкость (О пагубности сквернословия)

Напрасно юные и не совсем уже юные мальчики (да и девочки) считают мат признаком силы, мужественности, удали, как говорят, «крутости». Большое зло скрывается в этих бессмысленных, примитивно-вульгарных «выражениях», кои и выражают лишь темноту и злобность. Напрасно считают некие учёные и прочие обыватели, что на Руси так заведено, что ей без «выражений» никак нельзя. Да ещё и гордятся тем, что порой иностранцы, ещё не зная русского языка, всю матерятся, предпочитая мат другим ругательствам. Существуют даже мастера «фигурного», «трехэтажного» и т. п. мата. А в наше время он проник уже и в художественную литературу, которая (в незначительной её части) решила, что без этого ей не выжить.

Зло всегда находит себе адвокатов, всегда оправдывается необходимостью, даже диссертации на эту тему пишутся. Но мы-то – свободно мыслящие люди – разве мы должны отдаваться в полон злоречию? Зло не само кладёт себе предел – его устанавливают бесчисленные усилия добра, сопротивляющегося злу. И куда бы зло не затесалось, везде оно получает стойкий, спокойный, уверенный отпор. Поэтому-то зло и изобретает всё новые приёмы, надевает новые маски, стараясь уйти из-под разящего удара. Способов борьбы великое множество. И каждый сражается тем оружием, каким владеет.

Экология слова имеет свой арсенал. И ей есть за что сражаться: она обязана защищать здоровье, чистоту и целостность родного языка; предупреждать о тех бедах и несчастьях, какие влечёт за собой чернословье; и заботиться о предотвращении физических и духовных последствий для личности, культуры и народа в целом.

Снова и снова, как заклинание, твержу, что всё в нас и вокруг нас – живое: и леса, и воды, и каждая клеточка, и каждое слово. Мы не всегда это видим, не всегда понимаем. Экология и учит нас, что вокруг нас не пустая, мёртвая среда, а всё являет собой живой организм той или иной степени сложности. И язык наш – сложнейший живой организм. И он может быть отравлен, как и всё живое. И, прежде всего, матом.

Сам по себе, вне языка мат ничего не значит, он лишь паразитирует на языке, который отлично обходится без него: в «Войне и мире», например, есть всё, но нет мата; то же и в «Тихом Доне». Являясь суррогатом языка, его безликой подменой и уподобляясь собачьему лаю, он, прежде всего, обличает языковое убожество его рабов. Они пытаются возместить им личностную несостоятельность и неполноценность, на деле лишь усугубляют её.

От мата идёт мертвенность – и умерщвляет окружающее. Дети, вырастающие в такой среде, развиваются ущербными психически, умственно, культурно. Взрослея, они становятся невменяемыми в своей агрессивности и сквернословие становится для них привычной средой обитания. Словесный смрад, исходящий от них, поражает окружающих. Порой от этого у людей происходят стрессы, подскакивает давление, увеличиваются сердечные боли, портится настроение – наносится огромный вред здоровью.

В диком поле словесного чертополоха культура не может нормально развиваться и деградирует. Распространяется безъязыкость, резко снижается коммуникативность людей, особенно на культурном и духовном уровнях. Её вытесняет пошлость, хамство, грубость – атрибуты зоны, лагеря, вырождения. Отсюда рукой подать, как замечают филологи Ремнева и Комлев, до языкового зомбирования: «Примитивность языкового мышления создаёт благоприятную почву для примитивизации логического мышления, этакой формы языкового зомбирования»¹.

¹ Ремнева М.Л., Н.Г. Комлев. «Универсум филологии: язык, общество и наука». Вестник МГУ. Филология (сер. 9). 1997. N 2. С. 59.

Сквернословие прежде всего разрушает личность. Теряется оригинальное, выдающееся. Оно настроено на заурядность и всех стремится подогнать под неё, сделать серой массой. Лишает мысль полёта.

Но самое ужасное зло – сквернословие порождает безымянность. Для сквернословов не требуется знать и величать по имени-отчеству. Какое отчество, когда даже имя заменяется кличкой, а то и вовсе человек никак не называется, он уже «эй-ты». Что может быть горше – стать безымянной чуркой. Безымянность сродни безликости. Безликое стадо, безликая масса, безликая тьма... И как имя связано с ликом, светом, созиданием – именами ткётся полотно бытия, – так безымянность раздирает ткань бытия, обрекая её на погибель. Матерщина именно насаждает безымянность.

Насколько имя созидает язык, собирая и стущая его собой, делая его целостным, настолько безымянность и безликость в языке, вторгающиеся в него через разрывы, производимые сквернословием, губят его. Происходит разрушение языка. Языковой нигилизм сквернословия аннигилирует, отрицает сам язык. Язык как бы проваливается в пустоту, как сквозь дыры уходит в небытие. Один московский филолог так и определил: мат – это чёрные дыры языка, которые затягивают в провал небытия всё языком созданное.

Не зря русская художественная литература избегала мата, как чумы; всегда изгоняла его из своих пределов, начиная от Иллариона с его «Словом о законе и благодати», от «Слова о полку Игореве» до Пушкина, Толстого, Чехова. Высокая, истинная литература и чёрное низкое слово не могут сосуществовать – они из разных миров.

И поистине, сквернословие ведёт в антимир ада. Об этом свидетельствуют праведники, старцы, святые, об этом предупреждает Православная Церковь. Вот увещание из послания преподобного Кирилла Белозерского сыну Дмитрия Донского, князю Андрею Дмитриевичу: «Тако же, господине, уймай под собою люди от скверных слов и от лаяния, понеже то всё прогневляет Бога»².

Трудно улавливать молниеносную связь между вылетевшим смердящим словом и неотразимым последствием этого. Тем более – в посмертии. И всё же такие свидетельства есть. Удивительные свидетельства о связи нашей жизни с посмертной участью собраны архимандритом Пантелеймоном³. Приведём несколько примеров. Послушница Фёкла видела людей мучимых бесами в печах. Она рассказывает: «Когда мы отошли, я спросила у него (Ангела-проводжатога – авт.) за что эти люди посажены в эти страшные печи? Юноша ответил мне: «Сюда попадают все христиане, которые только по имени были христианами, а дела творили неподобные: не почитали праздники, бранились скверными словами, пировали рано утром»».

Ещё определённое рассказ мещанина А.П. Писаревского. Он поведал о том, как будучи опрокинут с возом, без признаков жизни (в состоянии клинической смерти – сказали бы мы сейчас), имел такое видение. К нему подступили страшные «эфиопы», говоря: «Эта душа наша, потому что она умерла без покаяния». Эти «эфиопы представляли Ангелам все грехи мною содеянные от юности и до настоящего дня, даже забытые мною грехи вспомянули и особенно сильно осуждали меня за сквернословие. Всё, что говорили они, была сущая правда».

В народе знают, что очень нехорошо чертыхаться. В прежние времена православные люди даже избегали произносить или писать приставку «бес». Говорили, например, не «бесполезно», а «неполезно». А отец Павел Флоренский даже и после революции уже при новом правописании упорно везде вместо «бес» писал «без», ссылаясь на привычку.

Людам следует знать церковные предупреждения относительно сквернословия. Есть известная икона «Богородица семистрельная», где Богородица изображена пронзённой стрелами. Есть такая трактовка, что стрелы эти – бранные, матерные слова. И ещё есть предупре-

² Преподобные Кирилл, Ферапонг и Мартиниан Белозерские. Спб. 1993. С. 183.

³ Архимандрит Пантелеймон. «Тайны загробного мира». М. 1997. С. 37, 106, 111.

ждение, что Богородица отступает от грешников-сквернословов и не предстательствует, не заступничает о них перед Богом. И это страшно. Ещё одно предупреждение гласит, что матерщинники не устаиваются предсмертного покаяния и причастия. Смерть часто настигает их внезапно и сопровождается лишением дара речи. По сути, они сами себя её лишили.

Дорога в преисподнюю стелется матом: язык, низверженный сквернословием, проваливается – с языком проваливается в преисподнюю и сам человек. Вот подлинный случай, который чуть-чуть позволяет заглянуть в эту пропасть. В больнице лежал в тяжёлом состоянии человек (отъявленный матерщинник). У него был парализован центр речи – он не мог сказать ни одного человеческого слова. Но поразительное дело, мат извергался из него сплошным потоком. Этот пример подсказывает: либо яд матерщины уничтожил в его мозгу центр нормальной человеческой речи, либо исток мата находится совсем в ином месте – в преисподней.

Достоин удивления, что этот клинический факт находит мощное подтверждение в филолого-культурологических изысканиях о корнях сквернословия в вековых глубинах противодействующей им верующей Руси. Именно в глубину языческих времён уходят корни матерщины, как важнейшего элемента в культуре языческих радений и игрищ. Именно в срамных словах сосредотачивалась магия ритуала. Без них не обходилось ни на колядках, ни на праздник Купалы, ни на обрядах, связанных с плодородием. В связи с этим Б.А. Успенский пишет: «Поскольку те или иные представители нечистой силы генетически восходят к языческим богам, можно предположить, что матерная ругань восходит к языческим молитвам или заговорам, заклинаниям...» Поэтому «в древнерусской письменности – в условиях христианского языческого двоеверия – матерщина закономерно рассматривается как черта бесовского поведения»⁴.

С матерщиной (как и с язычеством) на Руси боролись с начала христианизации. Уже в «Повести временных лет» неодобрительно упоминается языческое «срамословие». Матерщине противятся Кирилл Туровский, митрополит Пётр, новгородский митрополит Фотий. Бесовские песни, «буе слово, срамословие, бесстудная словеса и плясание» были осуждены Стоглавым собором (1551 года), затем многими указами царя Алексея Михайловича (1648 года). В поучениях святителей и пастырей того времени говорится, что с человеком, который матерится, не следует «ни ясти, ни пити, ни молиться аще не останется такового злаго слова»⁵.

Кроме того на Руси издревле существовало убеждение, «что матерная брань оскверняет землю, что вызывает в свою очередь гнев земли»; более того люди считали, что матерщина оскорбляет покоящихся в земле родителей, и даже приводит к оскорблению рода. Существовало представление, «что земля раскрывается, размыкается, разверзается, разваливается от матерного ругательства. Это представление может приобретать космические масштабы, т. е. описывается как мировой катаклизм, что мы и наблюдаем, в...текстах:...с матерной бранью устойчиво связываются мотивы землетрясения, потрясения земли, которые воспринимаются как закономерное и неизбежное следствие матерщины...»⁶

Поэтому-то в поучении против сквернословия, приписываемому Иоанну Златоусту говорится, «...что матерным словом оскорбляется, во-первых, Мать Божия, во-вторых, родная мать человека и, наконец, «третья мать» – Мать-Земля». «...А которого дни человек матерно излает и в тот день уста его кровию запекутца злые ради веры и нечистого смрада исходящего изо уст его, и тому человеку не подобает того дни в церковь Божию входить, ни креста целовати, ни (е)вангелия, и причастия ему отнюдь не давати... И в который день человек матерны

⁴ Цитируется по статье Б.А. Успенского «Мифологический аспект экспрессивной фразеологии». из кн. «Избранные труды». Т. 2. М., 1996.

⁵ Цитируется по статье Б.А. Успенского «Мифологический аспект экспрессивной фразеологии». из кн. «Избранные труды». Т. 2. М., 1996.

⁶ Цитируется по статье Б.А. Успенского «Мифологический аспект экспрессивной фразеологии». из кн. «Избранные труды». Т. 2. М., 1996.

излает в то время небо и земля потрясется и Пречистая Богородица вострепенетася от такого слова⁷».

* * *

В заключение небольшая оптимистическая нотка. Один мой очень интеллигентный знакомый, когда узнал, что я пишу против сквернословия, сказал, что бороться с этим также безнадёжно, как с явлением природы, как, например, с плохой погодой. Было, дескать, и будет. Так думают многие. И всё же заслоны и средства есть и против стихии матерщины – это свет культуры и веры. Мат не услышишь в библиотеке, в театре, на концерте, в школе (правда, в наше время с этим стало хуже), и, конечно, – в храме. Обычно бытует он там, где тяжёлая, грязная работа.

Но даже там не следует опускать руки. Замечательный пример приводит современный русский писатель Олег Волков. Дворянин, истинный интеллигент, и мужественный, верующий человек, прошедший сталинские лагеря и тюрьмы, он принципиально отвергал словесную грязь и распущенность. В книге о своей лагерной одиссее Волков рассказывает – впрочем, ему слово: «...Будь сказано мимоходом, – случай просто невероятный! – что в бригаде вывелась матерщина. Поначалу требование моё – при мне не сквернословить! – встречалось недоуменно, как чудачество. Пожимали плечами: Матюгнуться не смей! Подумаешь, чай не девки! Однако остерегались, а там и привыкли. Я и сейчас не отвечу, в силу каких причин мне удалось, не располагая решительно никакими средствами принуждения, выиграть на сплаве поединок с матом»⁸. Достоинно подражания!

⁷ Цитируется по статье Б.А. Успенского «Мифологический аспект экспрессивной фразеологии». из кн. «Избранные труды». Т. 2. М., 1996.

⁸ О. Волков. «Погружение во тьму».

О биосфере и о словесном пространстве

С проникновением вглубь экологических проблем открывается, увы, всё более мрачные перспективы экологического падения людей. И уж поставлен диагноз: «биосфера вышла из состояния устойчивости с конца прошлого века», «земля вступила в период катастрофы»⁹. «В результате деятельности человечества, происходит ускоренная деградация качества энергии, имеющейся в его распоряжении. Грубо говоря, деятельность человеческого общества в настоящее время является мощным каналом релаксации биосферы к тепловой смерти»¹⁰.

Но, увы, ни эти, ни другие – всё новые и новые доводы не прибавляют человечеству ни разума, ни совести. И всё же мы взываем к живым душам.

⁹ А. Федотов. «Эпоха глобальной экологической катастрофы и модель мировой системы, способы ей противостоять». «Диалог». N2. С. 48–49.

¹⁰ С. И. Яковленко. «Проблема качества энергии». «Вопросы философии». 1994. N9. С. 101.

Взгляд из России

Да, биосфера едина, как едины для всей планеты водный и воздушный океаны, магнитосфера... Тем более приходится считаться с тем, что есть органическая связь того или иного народа с тем участком планеты (и, следовательно, с его недрами и ландшафтом...), где этот народ сформировался; пережил свою историю и продолжает насыщать землю своим теплом, трудом и любовью. И поэтому вовсе не безразлично, какая у народа культура, вера, язык.

Думая о России, мы вправе сказать, что наряду с общепланетарными факторами биосферы, есть вещи экологически значимые преимущественно лишь для России: это характер русских ландшафтов, лесов, геология русской платформы, но это и вера православная, русский язык, отечественная история и культура. Кто не порвал связь со своей землёй – лучше видит не только своё близкое, но и дальше! Мы смотрим на биосферу глазами русских.

Но есть ещё одна причина экологической «особости» России – она оказалась в центре столкновений мировых сил, стремящихся превратить её в экологического «козла отпущения». Поэтому нельзя не согласиться с автором модели устойчивой мировой экологической системы А. Федотовым, утверждающим: «Высокоразвитые капиталистические страны мира стали искать выход из катастрофы (экологической – авт.) не на научно-практической основе – кардинальной реконструкции всей мировой системы, направленной на её устойчивое развитие, а пошли по традиционному, теперь уже трагическому для человечества пути, за счёт России, обладающей огромной территорией и природными ресурсами»¹¹.

Идёт невиданная агрессия против России. И начинают экологическую свалку в России с разрушения её духовного потенциала, т. е. с разрушения её культуры, исторической памяти народа, русского языка и Православия.

Подобно тому, как фашизм был остановлен в России, так и экологическая агрессия, видимо, тоже должна быть остановлена в нашей стране.

¹¹ А. Федотов. Там же. С. 53.

О принципе целостности

Экология по-своему открыла мир целостностей. Оказывается, целостностью обладают все экологические объекты: реки и леса, моря, почвы и геологические толщи земли. Но также целостны народ и язык, культура и вообще духовная сфера. Более того, народ с его языком, культурой и верой вкупе с природой образует тоже нечто целостное. То, о чём писали в своё время, например, Плотин, а затем Владимир Соловьёв и русские космисты, в наше время мы находим у Вернадского, Шипунова, Моисеева...

Да, всё живое обладает целостностью. Благодаря Вернадскому стало очевидно, что целостность живой природы существует не сама по себе, а является функцией земного шара. То есть, ни образование, ни существование живых существ без жизненных условий биосферы, без особого «биополя» Земли невозможно. Чтобы могла образоваться живая клетка как целостность – необходимо целое всей планеты Земля! Меньшая целостность как такая невозможна без существования большей целостности! Прежде было сказано: клетка – от клетки, всё живое – от живого: теперь мы говорим: всякое целостное – от целостного.

Каждая живая клетка на Земле, как и сама Земля, нуждается, во-первых, в энергии космоса, и, во-вторых в целостности космоса, в его организующем влиянии. Следуя Вернадскому, мы видим, что есть ещё иная целостность, нежели земная. Это целостность космических сфер!

Целостна ли космическая десница? Если живая клетка не смогла обойтись без планетарного целого, без биосферы, может ли биосфера в своей «самоорганизации» обойтись без пестующего влияния ещё большего целого космических сфер? Одно целое зависит от другого целого, включающего его; меньшее целое – от большего. Представляется, что у целостностей имеется своя иерархия, восходящая к Творцу Вселенной. Именно благодаря этой иерархии целостностей, восходящей к Создателю, на Земле каждое мгновение осуществляется жизнь.

Но вернёмся на Землю. Существуют два больших рода целостностей: планетарно-физические и планетарно-духовные.

Кроме того, есть целостности личностей, народов, из которых и формируется человечество. Россия – тоже неповторимое целостное образование.

Будет ошибкой думать, что можно отделять задачи политические от экономических, а духовные от экологических. Нет, они решаются все вместе, в нерасторжимой связке. Всякое подлинное созидание идёт по принципу целостности, учёные говорят – по принципу системности: нельзя сначала сделать клювик, затем глазик, а потом собрать всю птичку. Разрушители тоже знают этот закон. Чтобы разрушить целое, они не растаскивают его по частям, а бьют в самую душу, поражая центр – и вместе с ним весь организм.

О целостности человека

То, что человек целостен, практически, очевидно! Но что здесь главное? Как эта целостность взаимодействует с другими целостностями? Эти вопросы не всегда получают ответ.

Есть человеческое тело со всеми его индивидуальными особенностями: от генотипа до типа нервной системы. И есть душа, сознание, дух – тоже индивидуальные. А ещё есть личность, несводимая ни к чему из названного – она тоже индивидуальна. Сложнейшее соединение этих целостностей мы не берёмся анализировать. Мы лишь попробуем вникнуть, как это создание входит в природу, как оно связано с биосферой.

Прежде всего, следует сказать, что максимальным проявлением человеческой целостности является личность. И что условием целостности человека – является наличие сложной системы других целостностей: биологической, семейной, отечества. А также другого, как бы параллельного ряда целостностей духовной сферы: языка, культуры, вероисповедания.

Человек появился на земле как часть родового древа: он всегда имеет родителей. («Пробирочные люди» – это знак возрастающей отъединенности от природы). Родовое древо уходит своими корнями в толщу древнейшей истории Земли. Не это ли отражено в мифологии народов мира, создавших символ «мирового древа»? И не проекция ли оно библейского Древа Жизни? Не должен ли дух через это древо расти на земле и жизнь, и мысль? Не соединяет ли это древо мысль и природу, небо и землю!

Это перекликается с представлениями Генона о том, что деревянный крест (именно деревянный!) – это символ воплощения. Деревянный крест – крестный путь воплощения Логоса. Да, древо, предназначенное расти, иссохло, принуждённое нести распятого живого Бога. И, тем не менее, крест объединяет земное, природное, биосферное с культурой, словом, духом человеческим. Вот основа подхода христианства к экологическим проблемам.

Для нас важны социальные условия человеческой целостности: семья и отечество. Целостность человека психически и физически может нарушиться, если попорана целостность его семьи. Но кроме того, человеческая личность не может осуществиться во всей своей полноте без народа (целостности ещё большей). Народ и отечество дают человеку язык, традиции, историческую память, преемственность – целостность во времени. Без этого человек выпадает из временной цепи, из исторического бытия – и оказывается в ничейном, пустом времени, не согретом духовным теплом праотцев. Именно наши праотцы пустое и ничейное время, необузданное и рассыпающееся, увязали в нечто человеческое, осмысленное, сделали его нашей историей – единым потоком бытия нашего народа! (Не только человек, но и культура, и дух нуждается в отцовстве, в персонализированном родителе. Они не могут появиться в безродности чего-то случайного.)

Целостность человечества ещё только складывается. Создаётся она целостностями разных народов. Их гармонией и согласием, взаимной дополнительностью жизненных целей, уважением друг друга. Важна не только иерархия, но и соборность народов.

* * *

Но увы, человеческая целостность далеко не безупречна, она страдает как и природная. Поэтому, если в старину философы писали о философии духа, души, культуры, то сейчас всё чаще пишут об экологии культуры, духа, совести. И это не дань моде. Это предгрозовые признаки надвигающейся беды... Это всполохи истины в просветах сознания, той истины, что катастрофа природы – отображение катастрофы человеческого духа, ибо мировая порочная цивилизация – лишь вымороченный плод бездуховного человечества.

Человек интуитивно чувствует, что он не вполне целостен без мира природы, без внутренней связи с ним. Этот мир рядом с нами: животные, растения. Только их обязательно надо воспринимать внутренне, субъектно, а не как нечто внешнее, не как объект. Человек подчиняется глубоко сидящей в нём, неискоренимой потребности иметь рядом с собой душу живую. Ему присуще вести любовный диалог с каждой травинкой, с каждой божьей тварью, видеть вокруг себя разнообразный мир творений.

Сознание имеет силу губить или возрождать. Человек должен восстановить в себе тёплое, душевное отношение к природе. Творческая активность, творящее слово не могут примириться с экологическим бесчинством. Природа чувствует любовное и бережное отношение к ней, она воспринимает токи мысли-любви, она ответнолюбяще чувствует благородство человека. Каждый высокодуховный человек – это облегчённый вздох природы. Она заряжается излучением любящего духа и возрождается благодаря ему. Единство человека и природы осуществляется прежде всего в духе. На первом месте духовное взаимодействие, а потом уже целесообразность, прагматика, научные изыскания. Высокодуховный человек не замыкает природу в свои границы, а, наоборот, устанавливает пределы своему произволу. Такой человек понимает, что у него есть большое планетарное тело, являющееся его неотторжимым продолжением.

Слово и природа

Шелест листьев, шелест слов... не одним ли языком говорят они? В пламени зелени тайна жизни, в струении слов тайна человеческого духа – тайна истины, добра и красоты. Слова и страницы подобны листьям, а листья – словам, ибо тайны их – от Единого. Вот и тяготеют они друг к другу, и хотят понять себя в другом. И говорит человек: я как дерево. И говорит дерево: слова мои, куда вы разлетелись! И не вырастают ли в чащобе томов слова о лесах? Вот Достоевский очень любил лес и в последние свои дни говорил жене: «Пусть все продают, а я не продам, из принципа не продам, чтобы не безлесить Россию. Пусть мне выделяют лесом, и я его стану растить и к совершеннолетию детей он будет большим»¹².

Другой русский гений сказал: «Книги – суть реки, напоющие Вселенную» (Нестор). Поистине, словом напоена Вселенная! Где же берут начало эти реки? Откуда приходит слово? Сказать: из головы – ничего не сказать. Поле словес вокруг нас, и не только в людях, книгах, в храмах, а в садах, в самой природе. Ю.М. Лотман ввёл понятие «семиосферы» – информационной сферы в самом широком смысле слова. Он писал: «Семиосфера современного мира, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность»¹³. Без семиосферы язык не только не работает, но и не существует.

Каждому человеку дано своё слово. И оно, как дерево, вырастает в нём на почве земной семиосферы, т. е. в условиях языка природы, родного народа и всечеловеческой культуры. И каждый человек должен произнести своё слово, которое не случайно, так же, как не случайна ни одна жизнь, ни одна тварь, ни один народ – всякое слово должно быть сказано и услышано! «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих» (Мф. 4:4).

¹² А.Г. Достоевская. «Воспоминания».

¹³ Ю.М. Лотман. «Избранные статьи». Кн. 1. Таллин. 1992. С. 20.

Гений и смоковница

Странные строки Евангелия о смоковнице, засохшей от слов Христа, толкуют по-разному, часто весьма иносказательно. Эти строки заставляют задуматься о взаимосвязи слова и природы, слова и биосферы в духовном контексте. Эта взаимосвязь иногда удивительно приоткрывается в творчестве русских поэтов.

Читая Рубцова и вникая в обстоятельства, сопутствовавшие написанию того или иного стихотворения, мы вдруг осознаём, что не только в самом авторе, а и вокруг него присутствует некая тайна. Эта тайна в сопряжении, в сопричастии, в творческом порыве его мечты, души и тех деревенок, пажитей, ёлок, холмов и небес, без которых он не мыслил своего существования, и к которым он тяготел, как к своему продолжению, к тому, что является им самим, распростёртым на всё окрест.

«Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой...»

Он ощущал, что всё это – он сам, такой открытый и чуткий! Словно гений его скрывался в этих елях, избах, осенних сумерках; словно бы за его спиной стоял русский лес и поверял ему свои думы.

А Пушкин? Разве тайна его «Евгения Онегина» не связана с неуловимой тайной Михайловского? Или его «Маленькие трагедии» – с тайной осеннего Болдино? Что-то ведь есть в самой земле и небесах, что наполняет гения силой. Не зря же он за тысячу вёрст скакал в Болдино!

Гений – это не только гений человека, но это гений и той природы, которой он доверился, и которая стала с ним единым целым. И они вступают в диалог. Если же диалог прерывается, то исчезает гармония. И тогда смоковница не даёт плодов, и душа Болдино не нашептывает Пушкину свои тайны, и не играют речные блики в душе Рубцова. Дух природы дружен с духом человека – Христос заповедал их гармонию.

О слове поэта

Мир словесен. Но об этом не кричит. Он молча позволяет называть его. И откликается лишь на то слово душевное, сокровенное, которое угадывает истинное его имя и призвание. О, это даётся только истинным поэтам и великим праведникам, людям с душой такой живой, что она во всём чувствует жизнь, и сливается с ней, её любя!

С каждой избою и тучею,
С громом готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь

(Н. Рубцов)

Мир ждёт этого слова, ждёт этой любви. Он жаждет самовыражения, чтобы ему помогли заговорить, высказаться «березовым весёлым языком»! Жаждет выйти навстречу человеку, но не знает как это сделать.

* * *

Русская поэзия. Она доброжелательна, жертвенна и сострадательна: «Россия, Русь, храни себя, храни!» Русская поэзия выходит навстречу миру и закликает его: «Живи, живи! Лучше я погибну, но ты живи, пребудь вовеки, ибо я люблю тебя!» Поэтому так много жертв среди русских поэтов и прошлого и нашего веков. На Руси всегда верили в особую, вещую силу слова. В России поэт всегда больше, чем поэт. Потому так и боялись их слова – поэты были едва ли не повелителями стихий. Достаточно вспомнить, как слушали слово Достоевского, плакали и братались после его выступления на Пушкинском торжестве.

В чём суть словесно-художнического феномена? В чём суть поэтического творчества? Разве только в том, чтобы подобрать удачные слова, «одеть» ими вещь или явление? Нет, это лишь тысячная доля дела: слова – в меньшей мере «средство выражения», скорее они – цель художественного произведения. Не писатель и поэт описывают вещи – наоборот, каждая вещь сама говорит своим языком. Всякая вещь имеет свой голос, свои краски, свои формы и объёмы – это её язык, которым она заявляет о себе в этом мире, и благодаря которому входит в содружество мира бытийного.

Поэт должен уловить язык, которым вещь стремится сказаться в надежде стать словом. Он угадывает, порождает то слово, через которое вещь хотела бы открыться, высказаться в нём. Поэт ловит вселенский ритм дирижирования Творца. И язык бытийствующей вещи (текучей и преходящей) благодаря поэтическому гению переведён в слово – язык цветной и временной становится нетленным словом, вословлен!

Но и слову нужен язык вещей. Вечное нуждается во временном. Слово должно наполниться вещью, исполниться ею. Происходит процесс взаимопроникновения: слово идёт к вещи, вещь тянется к слову. Поэт именно устроит встречу вещи и слова; он идёт встретить вещь и, взяв её за руку, привести из мира юдольного в мир совершенства, в горный мир. И происходит встреча горного мира с земным. Выговоренное гением слово – это полнота вещи! Это стезя её восхождения к Богу. Слово ведёт к вечности.

* * *

Итак, при общении с природой надо не крушить и насиловать её «в интересах» науки, промышленности, житейской практики. Человек должен заговорить с природой её языком! Найти этот язык. В этом первейшая задача экологического подхода к природе. Чтобы найти этот «природный» язык – надо сначала свой человеческий язык привести в должное состояние: живоносное, благодатное, истинное – в состояние высокой духовности и целостности!

Жизнь слова

В языке всё должно быть на своём месте: возвышенные слова для молитв, неприхотливые житейские слова для обыденного общения, научные термины для науки. Язык имеет различные уровни и слои, предназначенные для множества разнообразных сфер применения. Жизненно необходима иерархия страт (слоёв): каждый слой языка должен знать своё место и своё назначение. Присутствие в нём всей полноты, сохранение и уравнивание страт живительно, благотворно влияет на весь язык в целом. Только при этом условии он может быть здоров, прекрасен, живоносен.

Язык похож на всё вбирающий в себя океан и, как и он, имеет в себе разные слои, течения, глубины и мелководья и, как океан, тоже не безграничен: он не в состоянии принимать и усваивать все отходы человеческой деятельности.

Высшая страта русского языка – церковно-славянский язык. Если шире войдёт в нашу жизнь церковно-славянский язык, если отношение к нему будет исполнено почитания и благоговения, тогда и в повседневной речи будет больше живости, красоты, разнообразия, благородства и благожелательности. И напротив, выпадение и разрушение высших страт языка сразу исказит глубинную иерархию ценностей народа и ввергнет его в бедствие, едва ли поправимое.

Церковно-славянский язык имеет ещё и то, ничем незаменимое значение, что исполняет роль эталона, камертона и даже ковчега, уберегающего русский язык и культуру, русский народ и его душу, его православную веру от распада. Фундаментальные исследования нашего замечательного филолога Н.И. Толстого в книге «История и структура славянских литературных языков» обосновывают это утверждение: без церковно-славянского языка у нас не было бы и нашего прекрасного и удивительного литературного языка. Поэтому нам следует свято сохранять церковно-славянский пласт нашего языка, как, впрочем, и литературный, религиозно-философский, научный и другие его слои.

* * *

Страдание и гибель слова случается прежде всего оттого, что на него смотрят как на нечто неживое, как на некий механизм, который можно сконструировать и смонтировать подобно технической поделке. Техницизм, рационализм в отношении к слову – наипервейший враг живого слова! Беда, что в слове часто видят лишь техническое средство связи, лишь некие информационные блоки, которые можно передавать по компьютерной связи. Надвигается роботизация и человека, и его слова.

Как всё живое, слово не собирается на конвейере, оно рождается. Здесь тоже действует закон: целое от целого. Слово – это целое. Новое слово появляется сразу целиком, а не по частям. Так, например, по свидетельству Н.Н. Страхова слово «нигилист» впервые появилось из-под пера Тургенева. Рождения этого слова ждали, но пока Тургенев не произвёл его на свет – его не было. Итак, слово появилось на свет. Теперь, как и всё живое, слово-младенец должно быть вскормлено в среде себе подобных, т. е. оно должно возрасти среди своих же единокровных слов-братьев – тогда будет его полноценное развитие. Среди слов-волков, слов-чужаков вырастет слово-маугли. Слово же должно вырасти словом, а не волчонком. Чтобы слово «достигло возраста мужа», нужны мудрые воспитатели: слово мужает в добрых, умных, высокохудожественных текстах. Полноценные слова расцветают, как цветы, на родной почве своего языка, языка не загрязнённого, не зараженного, не опустошённого.

Слово должно созреть и дать плод, плод духовный. Слово возрастает под лучами духовного солнца. В живом слове, как во всяком плоде жизни, запечатлена энергия света. Плод

слова – духовное делание, устремлённое к совершенству, прекрасная жизнь, которая в идеале ведёт ко Христу!

Но жизнь слова, как и всякая жизнь, увы, трудна. Не так просто слову оставаться и быть живым: много всякого может случиться с ним на его жизненном пути. Оно может и погибнуть. Как говорил о. Павел Флоренский, трудна «передача вещей и переживаний, жгучих по силе своей реальности и потому опаляющих слово, которое берётся облечь их собою». Слово может быть трагично, как и человек, произносящий его. Оно так же страдает от ущербности, нереализуемости, изломанности.

Слово стремится к индивидуальности самосознания, доходящей до полноты целостности, до личности.

Нам надо любить слово, радоваться ему и жалеть как живое существо!

Из пламя и света рождённое слово»

(О природе в русской поэзии)

Природа русская, какое волшебство в тебе, какая сила! Как любит твои просторы, твои леса и реки, твои небо и землю конь русской поэзии. О, конь мой летучий, конь сказочный-огневой, куда ты мчишься? Али не ведаешь, какой разбой творится на Руси, и всё летишь земли не чуя. Ах, друг сердечный, ты говоришь, что не всё разбой да визг, а есть и горнии луга, ключи и леса русской поэзии. Русский стих звучит не умирая... Ну так поехали.

Синеют горы: Бештау, Машук... Что за всадник в белом картузе скачет по горной тропе? Знойное небо над головой, над далями – до самых белоснежных гор слепит глаза. Ни единого облачка. Любимый Кабардинец привёз его на полянку на склоне горы. И здесь его убили! И содрогнулась «равнодушная» природа: налетела буря, смяла кусты, всклубила пыль. И что-то тёмное нависло над Машуком, загрохотало, засверкало, засвистало: вода и ветер обрушились на участников дуэли. А на траве, под струями дождя, лежал мокрый, убитый Лермонтов. И конь его сиротливо ржал и вздрагивал от раскатов грома... Природа бурей ответила на убийство Лермонтова и сокрушенно оплакивала своего любимца, знавшего как чувствует себя «малиновая слива под тенью сладостной зелёного листка», и как «пустыня внемлет Богу,» и как «звезда с звездой говорит».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.